

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
НАШ САЙТ: denlit.ru

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Ночи короткие тянутся к свету,
Плачут капели
весь день напролёт,
Тёплое,
сонное,
синее лето
В лодке
бумажной
по лужам
плывёт.
Всё
переменчиво —
люди,
погода,

Наталья
КОЖЕВНИКОВА

Мода, растенья. А там, вдалеке,
Ходят грачи
под крылом небосвода,
Облако тает у марта в руке.
Солнце такое,
что некуда скрыться.
Сердце мятежно и губы сухи.
Впору раскаяться,
впору влюбиться —
Близко и слёзы, и смех, и стихи.

Черёмуха, гамак и книга лета —
Закладки
между солнечных страниц:
То жёсткая ладошка берекслета,
То жалобно-наивный голос птиц.
Лесная речка августом прогрета,
И сладко мёда медное литьё.
Черёмуха, гамак и книга лета,
Всё бывшее до них — небытьё.

Пока ещё печальный счёт потерь
Ни жизнь, ни осень
нам не предъявляли,
В сырую ночь распахнутую дверь
Мы с вчерашею бесечно оставляли.

Луна не покидала небосвод,
Как выполненные тайного условия,
И персика медоточивый плод
Светился до утра у изголовья.

И тихо, словно ангел пролетел,
Звезда скользила в окнах, умирая
Над млечностью
оставших наших тел,
Над сонными воротами от рая.

Изба, уснув, скрипела на весу,
Полынно пахла свежая побелка.
И долго ухал сыч в сухом лесу,
Играя в прятки с трепетною белкой.

Отпоёт снеговая вода,
Отвенеят колокольцы-цветы.
Нагадай мне, кукушка, года
Тихой праздности и суеты,
Вдохновенья, печали, труда,
Что остались мне в этих мирах.
Нагадай! Я пока молода
И не страшен
беспамятства страх.

И не робость в душе, а восторг
Пред закатом, что прячет в туман
Обессиленность птичьих валторн, —
Перед жизнью, сводящей с ума.

Из чего стихи сложились
В миг,
когда вспорхнули птицы?

Из пунцовых горьких ягод,
Слёз, метелей и дождей?
Из вселенской синей воли,
Из разбуженного солнца,
Из земной горячей страсти?

Но отныне знаю я:
Кто ответит — станет мною,
Пред закатом, что станет мною,
А не мною, так сестрою —
Посреди реки и света,
Вздоха, воздуха, земли...

Деревянная лестница в сад...

В медовом месяце июле
Бывает долгий длинный миг —
От облаков в шмелином гуле
До алых капелей земляник.
Когда с землей немое солнце,
Соизмеряя свой размах,
Качает ласково и сонно
Там паутинového гамак.
И тает ветер бестревожно,
Беду чужую разведя.
И невозможное возможным
Приходит в облаке дождя.

Деревянная лестница в сад,
Словно трап в золотое кипенье
Солнца, влаги, листьев,
где как град —
Соловьиное майское пенье.
Где холодный смородиновый дух
В жарком сумраке зелени тает,
И неслышно лицо обдувает
Одуванчиков ангельский пух.
Где дрожит и волнуется воздух,
Синим маревом в небо маня,
Где сама я —
лишь отсвет и отзвук
Древней музыки, света, огня...

Нет луны, но тихо светят
В небо белые сирени,
И река остановилась
Подремать в полночный час.
Я пришла сюда откуда?
Где была моя обитель?
В светлом царстве-государстве
За серебряной рекой?
Что любил меня бесечно
В том, другом тысячелетье,
Распуская косы-кудри
Осмелевшею рукой?

Я шла на свет из темноты,
Я жар тягучий пригубила,
Ещё не зная — это ты,
Ещё не веря — я любила.
С огнём и плачем молодым
Любила. Всё тому виною —
Твоей улыбки шальной дым,
Твое старшинство надо мною.
Твоя морщинка меж бровей...
И, плен почуяв, зароптала,
Ещё не зная, что твоей
Отныне женщиною стала...
Взлетела в небо птица дня,
Упала в травы птица ночи.
Не счастье мне звёздного огня
И лунных в речке многоточий,
Обид и нежности скупой,
И непредсказанных любовей...
Так не приемлет дождь слепой
Ему поставленных условий.

Всё второпях, в изломе слов,
улыбок, шуток, недомолвок,
когда ни звука про любовь,
и всё — о ней; когда неловок
не взгляд, не жест, а даже вздох,
и так естественно объятьё;
когда в оконной раме лох
сорвёт серебряное платье
и ветви вскинет вверх, и дождь
внезапный, словно стук калитки,
оставит мне, когда уйдёшь,
лишь тьму, промокшую до нитки.
А полночь в доме затает
движение лёгкой лунной тени,
и в эту пустошь я, как в скит,
войду и рухну на колени.
Свеча и россыпь красных бус —
Останьтесь там, подобно чуду...
И уходя — не обернусь.
И ничего — не позабуду.

НАУКА ДОБРОТЫ
Горная безмолвная панорама,
К ней бегут селения, сады.
И забуду детство своё, мама,
И твою науку доброты.

Мне внушала: "Мир устроен сложно,
Горы в нём друг с другом говорят —
Камень
бросишь здесь
неосторожно,
Где-то
отзовётся
камнепад.

Князь ГОЧАГ

Даже к скалам добрыми руками
Прикасайся, чтоб не оскорбить.
Если не бесчувственны и камни,
Что уж там о людях говорить?!

Отвечай за каждую минуту,
Потому что если, второпях,
Зло, сынок, ты сделаешь кому-то,
Отзовётся боль в его друзьях.

В матери и в брате отзовётся,
И на свете зло умножишь ты,
А оно — бедой к тебе вернётся.
Полюби науку доброты!

Светлые поступки за собою
Оставляй на жизненной тропе,
Ведь добро, творимое тобою,
Эхом возвращается к тебе".

КЛЯТВА ХЛЕБОМ
Друзья, на одной мы живём земле,
Пусть дни наши долго длятся!
Нет клятвы священной
в моём селе,
Чем хлеба куском поклясться.

Кто хлеба кланётся, тому поверь
И с верой подумай снова:
Да может ли там
пробудиться зверь,
Где связаны хлеб и слово?

Болотам назло, назло комарью
Под северным низким небом
Земле этой русской шепчу:
"Люблю!" —
И в этом клянусь вам хлебом!

ХЛЕБ РОССИИ
Азербайджан —
ты с детства яркий свет!
Да норов у судьбы и голос — веский.
И не Бакинский университет,
А вышел так, закончил я —
Тюменский,
Немало мне досталось на веку.
И добываю, беды пересила,
Насушный хлеб
не в солнечном Баку —
Мне стала хлебным деревом Россия.
Ни от кого на Север не бежал,
Судьба к нему сама собой припала...

На одной мы живём земле...

Не обижайся, мой Азербайджан,
Но Мать-Россия Родиной мне стала!
И мама седовласая моя
В родном селенье —
что ничуть не странно! —
За хлеб да соль, вскормившие меня,
За мой удел России благодарна.

Перевод **Владимира Топорова**

ЖЕСТОКОСЕРДИЕ
Когда печаль мой посетила дом,
Подруга та, в которую влюблён,
Украдкой в ванной увлажнила щёки.
Чтобы доверчиво поверил я:
Меня жалеет милая моя,
И я в своей беде — не одинокий.

Жестокосердная!
Меня не обмануть!
И если вновь увижу как-нибудь,
Что сделались мокры твои глаза,
То я готов поклясться на Коране,
Блестит в них не сочувствия слеза,
А только влага, влага из-под крана

О ДРУЖБЕ
В огне оказавшись вне воли своей,
Сырые поленья сгорели...
Мы, в жизни себе выбирая друзей,
Ах, если бы только умели
Хранить независимость нашу от них,
Чтоб дружба не стала неволей
И участь сгоревших поленьев сырых
Не сделалась нашею долей.

К МАТЕРИ
Права ты, мама, говоря,
Что я с тобой жить должен рядом.
А я уехал за моря —
Снега меж нами как преграда.

Когда покинул отчий дом,
Познал я многое в разлуке:
Тоску по матери с отцом
И совести бессонной муки.

Когда отец мой умирал,
Не смог я с ним проститься даже.
Он к сердцу фото прижимал —
Об этом, мама, ты мне скажешь.

Когда сама хворала ты,
Когда беда стучалась к близким,
Я был в объятьях мерзлоты
И лишь по почте спал записки,
Ссылаясь, что дела, дела,
Что вновь зовут меня дороги...
А ты всегда меня ждала,
Ждала у отчего порога.

И в утешенье лишь одно
Я оправдание придумал:
Я с тобою рядом, но
Я о тебе так часто думал.
И знал: на краешке земли
Жизнь эта всё же плюс имеет —
Сын, что от матери вдали,
Он для неё всегда милее.

БЕДОЛАГА
Мечтал увидеть целый мир,
Всю жизнь об этом грезил...
Растил и хлопок, и инжир,
В колхозе сто потов пролил
И — никуда не съездил!

Он дальние улицы родной
Не сделал даже шага.
И в книгах
встретиться с мечтой
Не смог,
не знавший ни одной
Ни буковки, ни запятой, —
Отец мой — бедолага.

Перевод с азербайджанского
Александра Кердана

соседи не выводили, но, судя по грохочущим перекатам, разрешали покатасться дома на роликах. Однажды Лиза съехала в законном пейзаже метаморфозу: крепкий старый каштан побелел. Но не воздушные "свечки" соцветий украсили его: сверху на ветки плавно приземлялись серпантинки туалетной бумаги.

Звуки музыки

Елена
ТУЛУШЕВА

Развлекалась соседская дочка. И ведь тогда на неё никто не накричал...
Ещё часто ночами Лиза слышала валсы и симфонии. Всё то же сосед включал классику не очень громко часа в три ночи, полагая, что все уже спят и не проснутся. Музыкальный мужик... Она отхлебнула горячего чая, размышляя, как странно меняются люди. Может, артисты, особенно неудачники, склонны к деспотизму? Сами живут под диктовку режиссёров, продюсеров и всяческих выжиг, вот и требуется компенсация. Не улучшает характер и бытовая неустроенность — гастролы по райцентрам, неоплаченные ДК, гостиничные номера на пять коек, большие смахивающие на общепитные комнаты общаги...

Хотя этот ещё ничего — сосед сбоку включал музыку днём, да погромче. Даже с годами Лиза так и не научилась понимать, что это: рок, металл или какая-то другая самодеятельность. Отвратительный гортанный рёв был одобрен хаотически размазанными воплями электрогитар и рассыпающимися барабанными дробями. Вживую этого странного типа она видела не чаще, чем соседскую дочку сверху, но его музыку слышала даже через беруши. Безуспешно попытхтев над "домашкой" под

реннее небо.
— Похоронили его летом. Утонул пьяным, царствие небесное. — Мама перекрестилась. —
Ещё сырьков подогреть?
— Судя по его музыкальным вкусам, подземное царствие ему было ближе. Да, ещё бы парочку наверху.
— Лиза, ну что за богохульство!
— Да ладно, может, он вообще неверующий был. Да и какая ему теперь разница — вряд ли обидится.
— Лиза!
— Да, мамуль? Слушаю тебя. Очень вкусные сырьники, пасибки.
— На здоровье. Ты всё-таки в родительском доме. Можно как-то без черного юмора?
— А без юмора в нашем доме нигде, ты же понимаешь. Ладно, пойду шкаф, что ль, разберу, пока время есть.
— Батюшки, что творится! С чего бы это?
— Кхи, я ведь и передумать могу... — она ехидно улыбнулась и пошла, напевая, в комнату.
Дром просыпался. Натужно гудели водопроводные трубы, нетерпеливо скользили стулья, щелкали дверные замки, неуклюже топали лестничные пролеты. Сонный лифт лениво ка-

Уметь понять молчание воды
И то, о чём тоскует подорожник.
Последний луч бледнящей звезды
Ласкать пытливым взглядом...
осторожно,

Услышать песню ивы над ручьём
И гимн скворца —
весенний, вдохновенный,
И ощутить перед лицом Вселенной
Короткий миг, который мы живём.

Удалые мои, вороны, —
Бог иль чёрт вас на землю послал?
Улетели копыта шальные
За далёкий глухой перевал.

Улетели... А что мне осталось —
Не спеша обихаживать дом?
Потому лишь, что я испугалась
Пасть на землю горящим лицом,

Быть смешной постороннему глазу...
Пред своєю звездой не права,
Неужель не видала ни разу,
Как к земле припадает трава?

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ
Не ждала, не звала, не искала, —
Стал закят удивительно светел.
Улыбнулась вечерне-устало,
Он прошёл —
не взглянул, не заметил.

Повернулась на солнце на красное,
Засветилась неярким нарядом.
Не подумала — это напрасно:
Никогда ведь не сможете — рядом.

Как тогда ты у Бога просила
Не себе, а ему — вдохновенья!
Как либе твоё празднично было,
Коль теплел его взгляд

на мгновенье!
А потом — беспросветная осень,
На ресницах — тоски паутины.
В изголовье — холодные росы,
Да заметнее стали морщины.

Отрешённое тонкое тело
Приласкал засыпающий ветер.
Пред концом озаренье сгорело —
Не напрасно жила ты на свете!

Панельный серый терем мой
Семи ветрам открыт.
Заокский ветер, как шальной,
Стрелой ко мне летит.
То вещей конь... Издалека
Примчит, когда не ждёшь:
Сияют в гриве — облака,
Копыта — частый дождь.
Глаза — как искорки огня,
Да не сробела я:

Народная поэма

Семейный клан Гайдаров
за столетье
Прошёл совсем не "шелковым путём",
За три войны шагнул он в лихолетье
И смут хатало на земле притом.
Не повезло стране в начале века:
Народ и Царь повергнуты во тьму.
Сосед с востока им устроил пекло,
Понять не трудно здравому уму.
Порой извилисты дороги и умы,
Один — герой,
другой наследник тьмы.

Боец, писатель, командир —
И юность огневая.
И лик Отчизны впереди,
Какой в мечтах бывает.
Сознание двигало и жгло,
Оно хотело и могло
Очистить землю от той пены,
Что накопилась за века.
И образ чистый засверкал —
Освободить умы из плена,
От скверны, плесени и зла,
От миражей порой незримых.
Их сжечь хотелось бы дотла
И свет зажечь неповторимый
Для всех живущих на земле.

Чтоб песня ширилась, росла
Просторно, вольно, смело, зримо.
Для мысли дерзкого полёта
Не остывал страстей накал,
Душа чтоб крылья обрела,
Летела, двигалась, звала
На всех космических широтах.

Вот так воетель дел и мысли
Опору в жизни обретал
И по-другому себя считать
До востречной пули не мечтал.
Она с ним всё же повстречалась,
Когда он был во цвете лет.
Пусть не однажды смерть стучалась
И всё же оставила свой след,
Сумела всё-таки найти.
Смерть за спиной, с ней не шути.

Мы помним жизни заповалу,
Его восторженный мотив
Любить людей всех призывал он,
Другого нет к душе пути!

Серьёзным был Гайдар да дар,
Ему внимали млад и стар

"Куда ты, конь, помчишь меня?" —
"В минувшие края!"
Десятилетия позиди
Мы оставляем вмиг.
Вдур — свет в окошке...

"Погляди,
Кто там к стеклу приник?"

Мой конь! Лети на зов огня,
Коснись скорей земли!" —
У рыжей девочки — меня —
Косички расцвели,
И я вхожу в наш старый дом,
Где у окошка — мать,
И так отродно нам вдвоём,
Светло — не передать.

А мама смотрит на меня,
Я опускаю взгляд.
И отпускаю я коня —
Я не хочу назад!

И прохожему чудится, верится,
И прохожему видится свет.

Коль ты друг
и устал в неуютности —
Обогрейся... Тепло у печи.
Посидим,
будто оба мы — в юности,
У неяркой горячей свечи.

Коли недруг —
не брошу
проклятия.
Тем, однако,
и жизнь хороша:
У ветров четырёх
на распятии,
Да на вечном
распутье души.

**Татьяна
БАШКИРОВА**

Ближе к травмам земным

Ветка плакучей ивы
жёлтую чертит грусть,
Или мне давит душу
песен неспетых груз? —
Рыжий мой конь заката
мчится в даль, за луга,
И тяготится ношей: очень она легка.
Рыжий мой конь заката!

Слушай, остановись! —
В будничном сером свете
бьётся Жар-птица — мысль.
Вновь рука от корыта
тянется к карандашу,
Только оковы быта я на себе ношу.

Солнечный день родится
в дальнем каком году —
Ведь иногда Жар-птица
в старом гостит саду.
Ждать никогда не поздно
и ни в какие дни...

Что надо мною — звёзды? —
Нет, земные огни!

Виктору Мельникову

Разве всё — ни весны и ни радуги,
Только осень да хмурая темь?
Годы-листья кружили и падали,
Но душа не угасла совсем.

За рассветными зорями давними
Улетели мои журавли.
Лиховеи свистали за ставнями,
Но души остудить не смогли.

Бродит в поле глухая метелица,
Укрывая полуночный след.

Выйти в ладони раздолью,
Пасть на колени в траву:
Боже, прости мою долю —
Слишком непросто живу.

Бьётся крапива в колени,
В сердце — осенний листок.
Душу сжигает горенье
Свежих подветренных строк.

Знаю: здоровье — не очень,
Но не жалею о том:
Жёлтая осень мне очи
Поздним укроет листом.

Ну, а пока на раздолье
Слышу я ропот вдали:
Ветер доносит мне боли,
Скорби родимой земли.

Какое огромное счастье —
Весенней капели трезвон!
Трамваи, как мальчишки, мчатся
По лужам, пугая ворон.

Под вечер, уставши немного,
С грустинкою в лужах-глазах,
Сутулая грезит дорога
О солнечных цветках.

Я лучшей подруги не знаю.
Дорога! Пусть годы летят —
Давай мы с тобою, родная,
Обнявшись, пойдём на закат!

Какое огромное счастье —
Ручья говорливого нить!
Какое огромное счастье —
Есть повод тебе позвонить!

Гайдар и гайдарёныши

Вячеслав
ТАРАРАШКИН

Была стезя его крута,
Пряма, упряма как стрела.
Душа мобильна и чиста,
А мысль ни часа не спала,
Будила, жалила, звала.

Он не купался в лучах славы.
Считая труд и дело главным,
Достиг серьёзного успеха
В литературе — без орехов.

Ты Всевышний
их прости,
Морок баловней
настиг,
В рай их только
не пусти.

Осанну
подлости поют
Те, кто деньги
им дают.

Его герои смелые,
Юнцы заматерелые,
Спасли Отчизны честь,
Благое дело делали,
Чтобы земле расцвести.

Сын Тимур прожил достойно,
Не застав времён застойных.
И не его была вина,
Что так безжалостна война.
Пал за страну и за родных,
Чтоб были Родине верны.

Зато наследники его
С рождения неплохо жили,
С золотым тельцом дружили.
Как река без берегов
Уподобилась злой силе,
На вершине зло вершили,
Добрых слов не заслужили:
Что могли, то и крушили.
Словно стая львов свирепых,
Порвали узы, связи, скрепы.
Страну пустили под откос —
Без тормозов был паровоз.

Их действия убоги и нелепы,
В них было что-то от Мазепы.
Так наколбасить нам сумели,
Что выпываем еле-еле.
Всё, что работало в стране,
Посыпалось, как на голову снег.
Разворовали, распродали, растащили.
Где этой грамоте учились?

И у Егорухиной Маши
В голове немало каши.
Под чужую дудку пляшет,
А это даже хуже кражи.
Политическая шалость
Вызывает только жалость.
Коль её мозги худые,
Пожинаем мы плоды их.

Времена сейчас такие,
Тормознуть нельзя стихию
И исправить положение.
А где взять шаги саженьи,
Как унять мятежный Киев?
Мрак порою мозги туманит,
Но он зрячих не обманет.
Но персоны есть такие,
Что горой стоят за Киев.
Но они не пуп земли,
Взбрыкнуть сумели на мели.

А корабли летят, плывут
Отважных ввесь и вдалёк зовут...
Одним словом, эти двое —
Сам подумай, сам реши —
Заключение такое:
ГАЙДАРЕНЫШИ.

Итог мне мыслится такой:
На протяжении всего века
Прошли четыре человека.
Герой прожёл земную твердь.
Здесь пригидился, а не где-то.
Открыл для знаний шире дверь.
А внук порядком наследил,
Слизняк по духу оказался.
Не той он удочкой удил,
Под корягу угодил,
Сам на чужой крючок попался.
Могильный холм его зарос,
Зачем он брался — вот вопрос?
Но... Нам бояться ли угроз?
Да, мы возрастим элитный слой
Подвижников, старателей плеяду
На земле, одной шестой,
И встанем с ними рядом.
И зацветёт земная твердь,
И восплачет в сердцах радость.
Для всех открыта будет дверь.
Всё это будет — только верь,
За все страдания награда!

соседнего подъезда. Он иногда приходил к ним в детский сад со своими смешными номерами. А по ночам, хоршенько выпив, декламировал целые поэмы, прохаживаясь вдоль двора. Читал с выражением, громко. Никто его не гонял, не кричал с раздражением из окон. Принимая игру, жильцы припоминали строчки и старались проговорить их раньше хмельного чтеца.

Однажды они пошли с мамой в детский сад, а у соседнего подъезда стоял гроб. Лиза первый раз вживую увидела гроб. В нем лежал кукольник. Сморщенная бабушка сидела рядом на табуретке, поправляя венки. Кукольник был такой нарядный и чистый, лицо его было без шетины, заметно моложе, и улыбалось. Лизе показалось, что он был очень добрым в тот момент. Даже захотелось подойти поближе, но мама резко ускорила шаг, перекрестившись. Потом мама несколько раз перепрыгивала Лизу, но плохо ли ей, не испугалась ли она. А чего было бояться — он вон какой лежал радостный! Ещё мама как-то сбивчиво и не очень понятно рассказывала, что так обычно делают в деревнях: выставляя гроб, чтобы соседи могли проститься. Лиза не поняла, почему только в деревнях, но спрашивать не стала: уж очень мама торопилась и как будто сердилась.

Лиза сидела на подоконнике, перебирая детские воспоминания. Откуда-то издалека послышалась неуверенная мелодия. Спотыкаясь, она никак не могла разлиться вволю. Лиза замерла, прислушиваясь, пытаясь определить, что это.

Слабые звуки долетали едва-едва. Видимо, детские ручонки выводили снова и снова воздушную пьесу. Это была флейта. Волшебная городская дудочка.